

ДОРОГОЕ ВДОХНОВЕНИЕ

Неповторимость — голубая мечта всякого творчества. И потому каждый театр хочет иметь свое лицо. Самобытное. Единственное в своем роде.

Задача, прямо скажем, нелегкая. Но, если напрячь фантазию, выполнимая. Примером тому в некотором роде может служить Махачкалинский драматический и театр.

Известно, что каждый театр начинается с вешалки. Махачкалинский начинается с подвального бара. Согласитесь, что даже МХАТ ничего подобного не имеет. Бар — это вам не вешалка! Когда спускаешься туда по кривым ступеням, на душе сразу становится как-то драматично, сразу хочется плести заговоры и совершить какой-нибудь нехороший феодальный поступок.

В жутком подвале пахнет фараоновой усыпальницей, а вдоль стен вместо стульев стоят колоды, на которых в фараоновы времена отрубали головы населению.

Все это, конечно, малость угнетает. Тем более что со стен на тебя смотрят какие-то химеры вулканического происхождения, а с потолка под видом бра свисают железные рожи неизвестных животных. И каким же светлым пятном в этом подземье выглядит солнечный джигит-буфетчик среди своих многочисленных бутылок!

Невольно иные тут же «заряжаются» на спектакль.

В том-то и состоит секрет театрального бара. Видимо, его создатели убедили дирекцию, что крепкие напитки помогают усваивать даже самые слабые пьесы.

Перспектива, что и говорить, захватывающая. И потому строительство театра началось с подвала, с подземного бара. С этой целью с благословения республиканского художественного фонда из Москвы выписали художника-умельца Б. Гундобина. Делать так с размахом!

СМУ № 2 еще не получило асигнований на строительство театра, а столичный Гундобин и местный Шарипов уже предъявили им небольшую, но увесистый счетец на... 5.128 рублей 20 копеек! Это только за эскизы и шаблоны отдельных деталей художественного оформления бара.

Пожалуй, сам принц Датский такой роскоши себе не позволил бы. Ну велел бы сколотить дубовые столы и прикатить в погреб пару бочек неотравленного вина.

Но то ведь для презренной знати, а для трудящихся ничего не жалко. Когда трудящийся забежит в антракте в погребок, надо, чтобы со стены на него обязательно смотрели керамические химеры, а над головой висело нечто железное под названием «бра буйвол».

Да что там «буйвол»! Когда вы беретесь своей рукой за ручку бара, вы уже можете гордиться: ручка и петли заветной двери стоят тысячу с лишним рублей! Только подержавшись за такую дивную ручку, можно оценить метровые контуры «льва», «тура» и «коня», склепанных для погребка из железных отходов СМУ-2.

Будучи пойманы живьем, эти «кони-звери» обошлись бы, конечно, вдвое дешевле. Но, поскольку ни специальных сетей, ни штатных звероловов СМУ-2 не имеет, пришлось уплатить мастерам-художникам 3.625 рублей.

И тогда кто-то трагически прошептал:

— Братцы, это грабеж!

Шептун стали, конечно, урезонивать: мол, не грабеж, а просто искусство требует жертв. Ведь ювелирная, можно сказать, работа!

— Да какая же она ювелирная, когда «льва» варил для Гундобина сварщик Савченко из ремесленного училища № 3, — сомневался строптивец.

— А про вдохновение забыл? — упрекали его. — Оно ведь нынче в дефиците. Дорого ценится!

Но шептун был упрям, как Галилей, и твердил свое:

— А все-таки нас ограбили!

Поскольку сжечь упрямыца сдавалось проблематичным (упрямыцы вообще редко горят), дело о железных и керамических «художествах» пошло прямым ходом в городскую прокуратуру...

А в театре тем временем состоялось торжественное открытие. Впрочем, торжествовать особенно не пришлось. Первыми забрили тревогу актеры и режиссеры. То ли в целях экономии, то ли по какой-то таинственной прихоти строителей попасть в фойе из-за кулис можно было только через сцену.

Следом проявил беспокойство и зритель, тот самый, для которого построили чудо-бар. Желавших выпить среди театральных оказалось куда меньше, чем желающих перекурить. Но перекурить в театре негде.

Это еще полбеды. При строительстве самобытного театра совершенно забыли, что в Махачкале бывает такое время года, как осень и зима. И выходные двери делали такими, что прославленный минский самосвал может въехать в театр с поднятым кузовом. Хуже того, при дверях нет тамбура.

Представьте, что вы едете зимой в вагоне без тамбура и пассажиры входят на каждой станции. Как представишь — мороз по коже!

А в театр входят один за другим семьсот человек. Понаволе победишь в бар, чтобы оттаять. Правда, построить тамбур стоило бы куда дешевле. Но тогда у театра не было бы своего почерка, своего лица.

И коль скоро свое, оригинальное лицо театру так дорого, мы предлагаем развешивать в фойе листы из прокурорского дела о театральных украшениях в ах. Пусть зритель потеплеет. Пусть согревает его хотя бы мысль о том, что виновные, возможно, будут наказаны.

Ю. АЛЕКСЕЕВ.

МАХАЧКАЛА.

Г Р У Д
г. Москва

04 МОН 1982